

Лу Гуйлань, скованно подчиняясь порыву матери, переступил порог дома. Внутри его ожидали двое мужчин.

Вспомнив совет Цзян Мяо о том, как вести себя с незнакомцами, чтобы не выдать волнения, Лу Гуйлань сделал глубокий вдох. Опустив взгляд, он тихо произнес:

— Папа.

Затем он поднял руку и неловко погладил Лу Сяоминя по макушке.

— Младший брат, — добавил он, и в его голосе прозвучали слабые нотки тревоги.

Отец замер в изумлении. Отношения с дочерью всегда были натянутыми. Хотя он и испытывал чувство вины из-за той истории с няней, характер Лу Гуйланя — холодный, замкнутый и злопамятный — заставлял его держаться настороже, опасаясь, что девушка может причинить вред семье.

Но сейчас, глядя на эту меланхоличную девушку, которая послушно здоровалась, источая сладкий аромат персиков, отец почувствовал, как прежний образ дочери в его сознании рухнул.

Заметив, что Лу Гуйлань боится поднять глаза, а его ресницы едва заметно дрожат, отец ощутил укол в сердце. Должно быть, его собственное отношение ранило ребенка, вот она и стала такой подавленной. Всё это — его вина.

Отец не умел общаться с дочерью, поэтому выдавил из себя лишь сухую фразу:

— Гуйлань, кажется, за этот месяц ты немного подрос.

Опущенный взгляд Лу Гуйланя встретился с глазами Лу Сяоминя, который еще не успел толком повзрослеть.

Вся неприязнь, с которой Сяоминь поначалу воспринял прикосновение к голове, в одночасье сменилась смущением и неловкостью. Он поднял взгляд и, встретившись с туманными, полными печали глазами Лу Гуйланя, невольно прошептал:

— Старшая сестра.

Лу Гуйлань снова погладил его по голове.

В голове у Сяоминя словно прогремел гром. Лицо мальчишки вспыхнуло, а сердце

заколотилось в груди.

— Ну всё, давайте скорее обедать, а то Гуйлань совсем проголодался, — вмешалась мать.

Семья переместилась в столовую.

Когда няня накрыла на стол, отец, мать и Сяоминь сели рядом и с ожиданием уставились на Лу Гуйланя, дожидаясь, кого из них он выберет в соседи.

Места по обе стороны от отца были заняты женой и сыном, поэтому он сидел как на иголках, отчаянно желая пересесть поближе к дочери. Однако Лу Гуйлань, не желая садиться ни к кому из них, прошел на свободное место напротив всей троицы.

Усевшись, он поднял глаза и, увидев разочарованные взгляды напротив, пожалел о своем решении. Разве так будет удобнее наблюдать за ним? Как теперь вообще есть?

Но сесть рядом с кем-то он был тем более не готов. В этом мире он хотел быть рядом только с Цзян Мяо, а остальные вызывали лишь чувство тяжести.

Трое напротив, видя, что Лу Гуйлань никого не выбрал, почувствовали разочарование и укол совести: наверняка их прежнее отношение так сильно ранило его, что он боится подойти.

Особенно расстроился Сяоминь. Раньше он старался держаться от сестры подальше, но сегодня, сам не зная почему, ему до смерти хотелось оказаться рядом. Может, дело было в ее нежном прикосновении, а может — в сладком аромате персиков.

Сяоминь, словно маленький ребенок, боящийся потеряться, закусил свои тонкие розовые губы, такие похожие на губы Лу Гуйланя, и, взяв свою посуду, пересел на стул, отделенный от сестры лишь одним пустым местом.

Отсюда, слегка наклонив голову, он мог видеть лицо Лу Гуйланя и чувствовать этот приятный аромат. В глазах Сяомина светился восторг — он был уверен, что поступил очень умно.

Все трое за столом, съев ложку риса, тут же бросали взгляд на Лу Гуйланя, словно он был самым вкусным блюдом. Лу Гуйлань пытался утешить себя мыслью, что он и есть та самая пища для глаз.

С трудом доев обед, семья переместилась в гостиную. Лу Гуйлань решил не упускать возможности наладить отношения и озвучил заготовленную просьбу:

— Я хочу установить в школьном классе камеры видеонаблюдения. Желательно скрытые, чтобы их было трудно заметить.

— Зачем тебе вдруг понадобилось видеонаблюдение? — нахмурился отец.

Лу Гуйлань опустил ресницы, они испуганно дрогнули. Словно пытаясь спрятаться, он отвел взгляд, закусил бледные губы и тихо произнес:

— Это нужно по делу. Если это слишком хлопотно, то не стоит.

Солнечный свет падал на его лицо, и кожа, белая как фарфор, казалась почти прозрачной. Меланхоличная дымка, окутывавшая его, стала еще гуще.

Отец, много лет проработавший в бизнесе, без слов понял всё по выражению лица сына. В голове пронеслась картина, как над Лу Гуйланем издеваются одноклассники, а ему некому пожаловаться, и он вынужден просить об установке камер. Сердце отца сжалось от боли и гнева.

— Установим! Я прямо сейчас позвоню директору!

Не дожидаясь реакции остальных, он схватил телефон. Тон отца был мягким, но в требованиях он был непреклонен: не слушая возражений директора, он заявил, что жертвует школе партию скрытых камер и завтра же начнутся работы по их установке.

Директор, не понимая, что происходит, конечно же, не стал отказываться от пожертвования.

Положив трубку, отец с заискивающей улыбкой посмотрел на Лу Гуйланя:

— Гуйлань, если тебе еще что-то нужно, говори сразу. Папа постарается всё устроить.

Мать добавила:

— Мы с отцом работаем только ради того, чтобы обеспечивать тебя... и Сяоминя.

Сяоминь, не по годам серьезный, радостно заблестел глазами:

— Мне тоже нужно много денег, отдай мою долю сестре!

Лу Гуйлань лишь ответил:

— Спасибо.

В этой душной, переполненной любовью семье он не мог выдержать и минуты. С того дня,

кроме времени обедов, Лу Гуйлань всё время проводил в своей комнате, ссылаясь на подготовку к экзаменам, и просил его не беспокоить.

Все знали, что он хорошо учится, поэтому отец уговаривал его не перенапрягаться, уверяя, что денег в семье достаточно. Мать постоянно приносила закуски и фрукты, следя, чтобы он отдыхал. Даже Сяоминь каждое утро желал ему хорошего дня, а возвращаясь из школы, первым делом бежал к его двери, гордо заявляя, что может помочь с уроками, если что-то непонятно.

Лу Гуйлань только выдыхал:

— Спасибо, не нужно.

Его гордость не позволила бы ему принимать помощь от школьника. Сяоминь не уловил скрытого смысла и, несмотря на отказ, на следующий день хвастался одноклассникам, что сестра поблагодарила его.

— Ты же вроде ненавидел свою сестру?

— Ну да, раньше я жаловался, что она плохо учится, характер скверный, внешность не очень. Не похожа на ребенка из нашей семьи. А теперь всё внезапно изменилось.

Сяоминь с важным видом ответил:

— Раньше я был неразумным и не замечал, какая она замечательная. Она очень великодушна, не злится на мои прошлые выходки и даже поблагодарила меня за пустяк.

Одноклассник в недоумении уставился на него:

— Может, она тебя чем-то опоила?

Похожие чувства испытывали и сотрудники корпорации Лу. Новая секретарша, одетая в соблазнительный наряд, зашла в кабинет президента, чтобы подписать документы. Спустя полчаса она вышла оттуда в полном замешательстве.

Коллеги тут же накинулись с расспросами, и секретарша рассказала, что как только она отдала бумаги, президент превратился в одержимого папашу, который начал взахлеб рассказывать, какая у него послушная и милая дочь. Она могла лишь неловко кивать, не имея возможности уйти, и только когда он сделал паузу, чтобы перевести дух, она сбежала.

Все, кто слышал эту историю, думали лишь об одном: неужели всё настолько серьезно? Раньше президент хвастался только успехами сына, никогда не упоминая о дочери.

<http://bllate.org/book/20369/2037671>